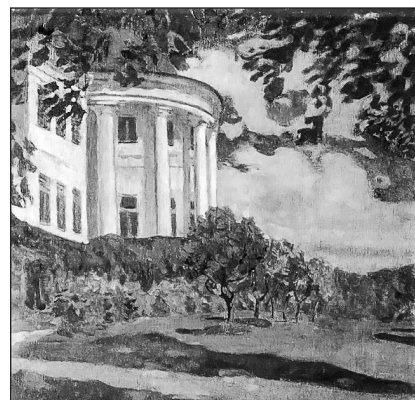

В.С. Борисов-Мусатов.
Усадьба. 1902

Валерия Андреева*

Лики русской усадьбы в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»

Роман «Воскресение» Л.Н. Толстого, создававшийся писателем на протяжении десяти лет и вышедший в последний год XIX в., стал поистине знаменательным произведением, охватившим многочисленные проблемы русской жизни. В «Воскресении» можно найти важнейшие вопросы, рассмотренные Толстым в публицистических трактатах и других художественных произведениях (поздних рассказах и повестях), но именно в этом романе они целостно и непротиворечиво соединяются, оттеняя друг друга и получая поистине эпический масштаб.

На первый взгляд может показаться, что усадебной теме в «Воскресении» уделено не так много внимания, как в других произведениях Толстого — романе-эпопее «Война и мир» и романе «Анна Каренина». Однако внимательное изучение центральных образов и тем романа открывает глубинную связь судеб Дмитрия Нехлюдова и Катюши Масловой с усадебной темой, с которой в художественном мире произведения соединены образ народа, земельный вопрос, проблема власти, осмысление места человека в мире и его выбора, идея утверждения определенного жизненного порядка.

Как и многие статьи позднего Толстого, роман «Воскресение» получился очень резким, злободневным. Э.Г. Бабаев отмечает, что «никогда еще, ни один из его прежних романов не вызывал такой ожесточенной полемики, доходившей до криков ненависти, до “анафемы”, как роман “Воскресение”» [2, с. 229].

Действительно, произведение содержит вопросы, чрезвычайно «неудобные» для власти и высшего света, затрагивает важнейшие философские, религиозные, социальные проблемы. Роман создавался в то время, когда русский народ находился фактически в условиях выживания: Толстой был свидетелем страшного голода 1891–1892 гг. и чувствовал огромную ответственность за всё происходящее в России.

Усадебная тематика в «Воскресении» вписывается в стройную систему толстовских антитез, в линию ду-

В статье рассматривается образ усадьбы в романе Л.Н. Толстого «Воскресение», отмечается значение категории порядка в отвержении Нехлюдовым прежней жизни и стремлении им к желаемому образцу счастливого существования, демонстрируется разница между помещиками и землевладельцами, ставшая в финале XIX в. особенно яркой.

The article considers the image of the estate in the novel by L.N. Tolstoy's «Resurrection», marked by the importance of the category of order in Nekhlyudov's rejection of his former life and his desire for the desired model of a happy existence, demonstrates the difference between landowners and landowners, which became the finale of the 19th century, especially bright.

Ключевые слова: Толстой, усадьба, светское общество, порядок, помещики, землевладельцы, духовное возрождение, труд

Keywords: Tolstoy, estate, secular society, order, landowners, landowners, spiritual revival, labor

* Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, профессор кафедры Отечественной филологии, г. Кострома, ORCID 0000-0002-4558-3153. lanfra87@mail.ru

ховного возрождения главных героев романа. Более того, в произведении мы находим ряд идей Толстого, отраженных ранее и в «Анне Карениной», позволяющих рассматривать эволюцию взглядов писателя на усаддебную тему.

У Толстого всегда чрезвычайно важны предыстории героев, их происхождение и воспитание. Именно эти факторы, по мнению писателя, определяют, с каких величин (отрицательных или положительных) будет начинаться восхождение героя, какая опора у него будет в жизни. Мало кто из исследователей романа обращает внимание на происхождение Катюши и ее воспитание. Толстой открыто не обличает порядка жизни тетюшек Нехлюдова, не делает какого-либо акцента на судьбе скотницы, матери Катюши, родившей ее от проезжего цыгана. Но читатель понимает, что две старые барышни, не имевшие собственных детей, с одной стороны, выступают благодетельницами, с другой стороны, в некотором роде играют с Катюшей, которая оказывается между двух огней: «Софья Ивановна наряжала, учила девочку читать и хотела сделать из нее воспитанницу. Марья Ивановна говорила, что из девочки надо сделать работницу, хорошую горничную, и потому была требовательна, наказывала и даже била девочку, когда бывала не в духе» [8, с. 7].

Образы усадьбы и усаддебной жизни в романе имеют и положительные, и отрицательные коннотации. Молодой Нехлюдов представлен в романе как потомственный землевладелец: «Обыкновенно он с матерью и сестрой жил летом в материнском большом подмосковном имении» [8, с. 43]. В год знакомства с Катюшей мать Нехлюдова едет на воды, а молодой герой отправляется к тетюшкам, с целью прожить у них лето и написать сочинение о земельной собственности. Толстой показывает, что юные герои переживают в имении у тетюшек лучшие поэтические минуты, которые потом будут вспоминать с болью, настолько контрастными они окажутся их новому помраченному состоянию.

Толстой демонстрирует читателю одну из ключевых мыслей всего позднего творчества — зависимость жизни человека в первую очередь от его выбора и личных усилий. Поэтические отношения и искренняя любовь к Катюше в Нехлюдове возникают в ту фазу жизни героя, когда он осознает «жестокость и несправедли-

вость частного землевладения» [8, с. 43], живет в гармонии с природой. Но общепринятые в свете и обществе нормы и правила, как показывает Толстой, негативно воздействуют на Нехлюдова. Окружение его способствует тому, что усаддебная жизнь, воспринимаемая им ранее как трудовая и честная жизнь согласно законам природы у самой земли (именно так воспринимает свои дни в усадьбе в романе «Анна Каренина» Константин Левин, во многом автобиографический герой Толстого), переосмыляется им согласно правилам высшего света. Представители светского общества, по мнению писателя, не просто прожигают жизнь, но усвоили чрезвычайную роскошь, создаваемую трудом множества голодающих и страдающих крестьян.

Примечательно, что в романе в процессе воскресения Нехлюдов вернется к своим размышлениям юности, только уже в абсолютно другой ситуации: в разные временные периоды перед ним встанут параллельно два вопроса: об отдаче земли крестьянам и женитьбе на Катюше. Только путь молодости, правильный путь, осмеянный высшим светом (мать Нехлюдова не могла без ужаса подумать о женитьбе сына на Катюше и с укором отнеслась к отдаче сыном земли крестьянам в небольшом имении, доставшемся ему от отца), после превратится для героя в путь исправления ошибок, мучительного, но и радостного возрождения.

Именно в имении тетюшек герой испытывает удивительное чувство любви ко всему миру. Примечательно толстовское описание пасхальной заутрени, передающее единение всех людей, близость потомственных дворян к народу. Не случайно в эту заутреню всё для Нехлюдова выглядит празднично, торжественно, и народ Толстой описывает с помощью этого же эпитета: «Церковь была полна праздничным народом» [8, с. 54]. Как справедливо отметил Р.Г. Назиров, «понятие родовой усадьбы конотировало близость к природе и в известной степени — к народу. Род, народ, природа: в этих словах можно символически выразить весь дворянский руссоизм» [6, с. 16].

Но чувство равенства всех людей, которое подчеркивает Толстой в описании службы и общения людей после нее: «“Христос Воскресе!” — сказала Матрена Павловна, склоняя

голову и улыбаясь, с такой интонацией, которая говорила, что нынче все равны...» [8, с. 57], в Нехлюдове уступает место другому чувству — собственности и власти. Осознание власти Божественной, по мнению писателя, несовместимо с культом земной власти, влияния над людьми. В Нехлюдове, по мере прозрения, совершается переворот, изменяющий его отношение к собственности: герой не отрицает земных ценностей, он изменяет отношение к вещам, которые в сопоставлении с жизнью душевной и духовной теряют свое абсолютное значение. Но после близости с Катюшей Нехлюдов оправдывает свой поступок общим положением дел, свойственным людям его круга, принятым порядком: «...так это было с Шенбоком и гувернанткой, про которую он рассказывал, так это было с дядей Гришей, так это было с отцом...» [8, с. 65].

Одним из важнейших в «Воскресении» является мотив честного труда, получающий в художественном мире романа множество реализаций. По мнению Толстого, только личный труд помещика, направленный на преобразование его хозяйства, в совокупности с пониманием народного бытия, может сделать усадьбную жизнь осмысленной. И тут писатель не открывает ничего нового, он продолжает линию христианского, православного отношения к труду, поддерживаемую многими русскими писателями.

Еще Н.В. Гоголь в статье «Русский помещик» отметил образец единственно верного, законного поведения помещика, позволяющий ему использовать свою власть над людьми с условием признания всеми высшей власти: «Возьмись за дело помещика, как следует за него взяться в настоящем и законном смысле. Собери прежде всего мужиков и объясни им, что такое ты и что такое они. Что помещик ты над ними не потому, чтобы тебе хотелось повелевать и быть помещиком, но потому что ты уже есть помещик, что ты родился помещиком, что взыщет с тебя Бог, если б ты променял это званье на другое, потому что всяк должен служить Богу на своем месте, а не на чужом, равно как и они также, родясь под властью, должны покоряться той самой власти, под которою родились, потому что нет власти, которая бы не была от бога. И покажи это им тут же в Евангелии, чтобы они все это видели до единого» [5].

Л.О. Пастернак. «Нищенство в Панове». 1898–1899.

Ил. к роману Л.Н. Толстого «Воскресение».

Бумага, итальянский карандаш, белила. 31×41.

Гос. музей Л.Н. Толстого

Вспомним, что в романе «Анна Каренина» Константин Левин — это не просто помещик, а один из лучших в России хозяев, переживающий за землю и ее будущее, в том числе и за свое родовое имение. В «Анне Карениной» несколько раз утверждается мысль о наследовании земли как особой ценности, за которую необходимо держать ответ, звучит фраза об обязанности человека к земледельческому труду. В шестой части романа Левин участвует в губернских выборах и в разговоре со знакомым помещиком затрагивает вопрос о земле. Левин и его собеседник четко разводят *землевладельцев* (тех, кто только владеет землей и считает ее просто материальной ценностью) и *помещиков*. Левин выражает народное, православное понимание труда, совершаемого ради дела, преобразования земли: «Я всегда чувствую, что нет настоящего расчета в моем хозяйстве, а делаешь... Какую-то обязанность чувствуешь к земле» [7, с. 233]. Писатель подчеркивает, что его герои понимают весь формализм светской жизни: «И дворянское дело наше делается не здесь, на выборах, а там, в своем углу» [7, с. 234].

Эту же мысль Толстой высказывает и в романе «Воскресение». Писатель констатирует утрату высшим светом связи с землей-кормилицей, с природой и естественной жизнью, усвоение ложных и иллюзорных законов. Н.Л. Вершинина пишет, что «в повестях и романах Пушкина, Тургенева, Толстого, Писемского выражается одна и та же особенность, наиболее явная

Л.О. Пастернак. «В ложе». 1898–1899.
Ил. к роману Л.Н. Толстого «Воскресение».
Гос. музей Л.Н. Толстого

именно в усадебном тексте: здесь природное начало выступает камертоном “натуральности” жизненного поведения — всё, идущее вразрез с органикой бытия, понимается как странное и неуместное, содержащее фальшь, не восполняемое регламентациями искусственной упорядоченности» [4, с. 122–123].

Нехлюдов, усвоивший роскошные привычки жизни, отрывается от земли, не осознает, как существуют крестьяне в его имениях. Писатель показывает, что подавляющее большинство землевладельцев расценивают землю и людей исключительно как товар и средство дохода. Многочисленные представители высшего света в романе изображены Толстым потребителями, не просто пользующимися благами и живущими за счет народа, но при этом не думающими о народе. Так живет генерал Корчагин, на дочери которого думал жениться Нехлюдов. Толстой особенно натуралистично описывает упитанную фигуру Корчагина и заставляет внезапно прозревающего Нехлюдова вспомнить о жестокости этого человека, «который сек и даже вешал людей, когда был начальником края» [8, с. 90]. Так живут все светские знакомые Нехлюдова, многочисленные чиновники, к которым он идет на поклон, прося за Маслову и других заключенных, так живет и тетка Нехлюдова, графиня Чарская, которой племянник пытается рассказать истинное положение вещей, наталкиваясь на полное равнодушие: «Да ведь народ бедствует. Вот я сейчас из деревни

приехал. Разве это надо, чтоб мужики работали из последних сил и не ели досыта, а чтобы мы жили в страшной роскоши» [8, с. 250].

Не раз в романе Толстой подчеркивает, что большинство семей высшего света живут за счет труда народа, что они навсегда утратили живую связь с землей, что для них усадебная жизнь — это лишь красивое и комфортное, правильно организованное существование. Вспомним, к примеру, переезд в имение Корчагиных, пафосная процессия которых описывается по контрасту с толпой мужиков, пытающихся найти себе свободные места в вагонах.

Перед тем, как ехать за Масловой в Сибирь, Нехлюдов отправляется устраивать дела в свои имения — большое и богатое, Кузьминское, и меньшее, где он и встретился с Катюшей, Паново. Посещение имений Нехлюдовым является одним из важнейших смысловых узлов романа. Первые девять глав второй части произведения, в которых мы как раз и видим пребывание героя в своих имениях, выполняют несколько важных функций. Толстой демонстрирует читателю установившиеся в России на то время отношения крестьян и землевладельцев, открыто называет их рабством: «Это было не живое рабство, как то, которое было отменено в шестьдесят первом году, рабство определенных лиц хозяину, но рабство общее всех безземельных или малоземельных крестьян большим землевладельцам...» [8, с. 198]. И Нехлюдов, в котором уже идет серьезная внутренняя работа, только приезжая в свои имения, осознает несправедливость такой жизни.

Толстой демонстрирует, что процветающее потребительское отношение к земле, исчезновение настоящих помещиков-хозяев приводит к краху усадебной культуры. Центром усадьбы, как мы уже сказали, является, по мнению писателя, земля и люди, которые готовы трудиться. Процветающее хищничество приводит к переходу земли в руки людей, думающих о наживе, капитале, быстром обогащении.

По дороге в имение Кузьминское извозчик рассказывает Нехлюдову о произволе и воровстве управляющего, но рассказ этот звучит с нотами восхищения, а не обличения: «Зимой, на рождестве, елка была в большом доме. <...> В губернии такой не увидишь! Награбил денег — страсть! Чего ему: вся его власть. Ска-

зывают, хорошее имение купил» [8, с. 200]. Более того, отрывочные, но знаковые фразы показывают читателю романа, что владельцами имений становятся не только бывшие управляющие, но и иностранцы: «У нас француз владеет, у прежнего барина купил. Не сдает — да и шабаш», — рассказывает Нехлюдову уже другой извозчик, объясняя, что он уехал из деревни из-за невозможности взять землю для работы [8, с. 240].

Очень примечательно, что образы земли и народа в романе «Воскресение» тесно связаны. По мнению Толстого, именно народ, в отличие от власти и чиновников всех рангов, в отличие от высшего света, осознает ценность истинной, трудовой и праведной жизни. О.А. Богданова справедливо отметила, что «вплоть до событий 1917–1918 гг. тысячелетняя традиция отождествления земли и населявшего ее народа в русской культуре оставалась актуальной, несмотря на то, что ореол “богоносца” русский мужик стал терять еще в творчестве писателей-народников последней трети XIX в., а после революции 1905–1907 гг. этот процесс только усилился» [3, с. 131].

В романе «Воскресение» именно народный мир, мир тружеников-земледельцев, по Толстому, хранит искреннее и человеческое отношение людей друг к другу, о котором забыли представители высшего света. Вспомним, как мужик, возвращающийся с работы на торфяных болотах, сначала опасается Нехлюдова, едущего в вагоне третьего класса: «То, что Нехлюдов, вместо того чтобы, как это свойственно господину, ругать и гнать их, уступил им место, очень удивило и озадачило их. Они даже боялись, как бы чего-нибудь от этого не случилось для них худого» [8, с. 360], а потом, признав его за своего, становится дружелюбен. Очень примечательно, что многочисленные прозрения Нехлюдова, выводящие его на новый этап понимания жизни и видения мира, совершаются в романе в ходе общения героя с народом и его приближения к земле [1, с. 220–222].

В своих имениях герой видит ужасное положение народа, голодающих детей, крестьян, страдающих от отсутствия земли, находящейся в руках людей, не способных к труду. Самые разительные перемены в Нехлюдове происходят именно в его имениях: «В ходе развития

русской литературы XIX века усадебный сюжет, вследствие ряда последовательных трансформаций, превратился в историю познания настоящей любви и вместе с тем — в историю самопознания героя» [6, с. 110]. Толстой показывает бедственное положение крестьян, фактически находящихся на грани жизни и смерти, что позволяет говорить о серьезном кризисе государственного масштаба, еще не осознаваемом в романе властью и многими землевладельцами.

Сложно не согласиться с Н.Л. Вершининой, отметившей, что при рассмотрении усадебного топоса значимость сущностного признака имеет категория порядка [8, с. 123]. Именно эта категория является одной из показательных при взгляде на перемены в жизни Нехлюдова. Узнав в подсудимой Катюшу Маслову, Нехлюдов получает серьезный внешний толчок, приводящий в работу его мысли и чувства, пробуждающий его совесть.

И с этого момента герой начинает в романе сознательное (но не всегда просто ему дающееся) разрушение иллюзорного светского существования. Отказ от прислуги и переезд из большой квартиры — это лишь незначительные перемены в начале пути героя. Одно из самых глобальных его решений — возвращение к идеям молодости о несправедливом разделении земли, к учению американского политолога Генри Джорджа, отказ от земли и сдача ее в аренду мужикам по невысокой цене.

В «Воскресении» Толстой демонстрирует почти полное отсутствие среди помещиков таких хозяев, каким был в романе «Анна Каренина» Константин Левин. Когда Нехлюдов принимает решение о прекращении «своего хозяйства», Толстой показывает, что герой очень далеко находится от всех дел. Нехлюдов, приезжающий в свои имения, узнает о царящих там порядках «из конторских книг и разговоров с приказчиком» [8, с. 200].

Писатель точно и продуманно изображает колебания и сомнения Нехлюдова, внутреннюю работу, происходящую в нем. Именно образы прежней благополучной цветущей жизни, ушедшего в прошлое порядка и размеренности долгое время удерживают Нехлюдова от решительной отдачи земли крестьянам. Сразу по приезду в имения, Нехлюдов воспринимает воз-

можную передачу земли крестьянам как жертву. Он готов на эту жертву, но сам сознательно еще живет старыми мерками, воспоминаниями о дорогом прошлом. Для осмысления ценного и иллюзорного, по мнению писателя, необходимо сопоставить воспоминания Нехлюдова в двух разных имениях.

Мысли о прошлом в Кузьминском — богатом имении, доставшемся Нехлюдову от матери, связаны с тем барским порядком жизни, который существует и в высшем свете, не случайно Толстой упоминает о кокетстве (столь характерной игре, распространенной в свете): «...Нехлюдов вышел из конторы и, обдумывая предстоящее дело, прошелся вокруг дома, по цветникам, запущенным в нынешнем году <...>, по зарастающему цикорием lawn-tennis'у и по липовой аллее, где он обыкновенно ходил курить свою сигару и где кокетничала с ним три года назад гостившая у матери хорошенькая Киримова» [8, с. 201]. Толстой демонстрирует, что его герой собственно и находится там, где бродят его воспоминания. Не случайно далее Нехлюдов, придумавший краткую речь для мужиков, так спокойно разговаривает с управляющим.

Прежде чем продолжить изучение этих усадебных воспоминаний героя в Кузьминском далее, обратимся на время к подобному обращению Нехлюдова в прошлое, но в другом имении. В бедном имении Паново, доставшемся ему от тетюшек, Нехлюдов переживает совершенно другие ощущения, в его памяти воскресают не сцены внешнего устройства прежней роскошной жизни, но воспоминания об ушедшей юности и духовной чистоте: «И вдруг Нехлюдов вспомнил, что точно так же он когда-то давно, когда он был еще молод и невинен, слышал здесь на реке эти звуки вальков по мокрому белью <...>, и он не то что вспомнил себя восемнадцатилетним мальчиком, каким он был тогда, но почувствовал себя таким же, с той же свежестью, чистотой и исполненным самых великих возможностей будущим...» [8, с. 208].

Эта параллель времен и духовных состояний приходит к герою только после сложной внутренней работы, развернувшейся в нем в Кузьминском. В нескольких абзацах писатель очень точно представляет картину старого барства. Вид не реликвий, конечно, но мебели и убран-

ства, связанных с матерью, поднимает в душе Нехлюдова, как пишет Толстой, «совершенно неожиданное чувство». Это чувство жалости материальных благ, которыми обладала его семья и которые передавались по наследству: «Ему вдруг жалко стало и дома, который развалится, и сада, который запустится, и лесов, которые вырубятся, и всех тех скотных дворов, конюшен, инструментных сараев, машин, лошадей, коров, которые хотя и не им, но — он знал — заводились и поддерживались с такими усилиями» [8, с. 202]. Примечательно и построение этой фразы, в которой мысль Нехлюдова переходит к разным объектам собственности, и значимая оговорка, отрицающая не личный интерес, но личные усилия героя в деле. Именно этот парадокс — желание обладать собственностью, быть землевладельцем, не прилагая труда и усилий — обличает Толстой, показывая деградацию усадебной культуры.

И чувство жалости своего имущества, собственности вдруг вызывает в Нехлюдове решение отказаться от передачи земли мужикам. Не случайно состояние героя напоминает путаницу: по мысли писателя, Нехлюдов, не готовый к труду в имениях, но желающий сохранить прежний порядок, ошибается. Толстой заставляет героя воочию увидеть все тяготы жизни крестьян, сравнить образ «сильного, перекормленного» управляющего с «худыми, сморщенными лицами» мужиков [8, с. 204], вспомнить о душе. Согласно утверждениям позднего Толстого, не раз высказываемым им и в публицистических статьях, только личное участие и труд на земле могут позволить помещику оставаться хозяином, владеющим землей. Нехлюдов, передающий землю крестьянам и уезжающий вслед за Катюшей, сознательно отказывается от порядка, который становится ему не мил.

Толстой развенчивает в глазах читателя то устройство усадебной жизни, при котором хозяин имения является фактически рабовладельцем. Читателю вполне оправданно кажется, что усадебной жизни подписывается приговор, поскольку она не может быть фактически организована в уже имеющемся порядке. Нехлюдов приближается к большому народному миру, общается с огромным количеством простых людей, как заключенных, так и встречаемых им по пути, узнает законы жизни земли, о кото-

рых он и не представлял — любви, понимания и сострадания. Нехлюдов вынужден лишиться дома, стать скитальцем.

Но, как и Дмитрий Оленин, Андрей Болконский, даже Пьер Безухов и Константин Левин, Нехлюдов никогда не сможет слиться с народом, стать своим среди простых крестьян. Не случайно после последнего душевного разговора с Масловой, герой переживает метафорическую смерть (Толстой говорит, что Нехлюдов устал от жизни, он засыпает на деревянном диванчике в тюрьме «тяжелым, мертвым сном» [8, с. 433]). В будущем Нехлюдову нужно возродиться к новой жизни, но какой же жизни хочется герою и какой порядок должен прийти на место прежнего, отвергнутого им?

Толстой показывает, что этот новый порядок заключается в духовной жизни и осмысленных в финале романа Нехлюдовым Евангельских заповедях. Но есть в финале произведения и та жизненная форма, которая манит Нехлюдова, которая виделась верной и самому писателю. Герой созерцает ее на примере семьи сибирского генерала. Толстой показывает, что честная молодая жизнь зарождается в скорлупе прежних иллюзий. Так, старшее поколение — генерал-пьяница, пристрастившийся к спиртному, заглушающему в нем голос совести и его жена — «перербургского старого завета *grande dame*, бывшая фрейлина николаевского двора, говорившая естественно по-французски и неестественно по-русски» [8, с. 427] — это люди отвергнутого Нехлюдовым порядка. В гостинице сибирского генерала Толстой вновь испытывает героя, окружая его лестью и роскошью. Но увлекаемый внешней прелестью жизни, Нехлюдов, уже прошедший нелегкий путь до Сибири, увидевший тяготы и множество смертей, а самое главное, готовый к последнему решительному духовному перевороту, инстинктивно тянется не к роскоши, а к семейному уюту, любви и тому благородному служению, которое он увидел впервые в народной жизни.

В образе дочери генерала и ее мужа Толстой пунктиром намечает линию развития будущей русской семьи и, по сути дела, русской усадьбы: мысль народная и мысль семейная соединяются, вырастают до эпических масштабов всей России. Толстой показывает нам дочь сибирского генерала, гордящуюся своими малышами,

причем ее маленькую девочку зовут Катей (как тут не вспомнить Катюшу Маслову, лишенную настоящей семьи и ее несчастливую судьбу), и ее мужа, который занимается в романе по сути дела *спасением России* (ведь именно картины вымирания народа придают роману особую ситуацию нахождения на «границе» жизни и смерти, ситуацию эпическую): «Муж ее <...>, скромный и умный, служил и занимался статистикой, в особенности инородцами, которых он изучал, любил и старался *спасти от вымирания*» (курсив мой — В.А.) [8, с. 428].

Таким образом, в одном из самых остро-социальных и резких романов конца XIX в., произведении во многом обличительном, направленном против современной Толстому власти, государственной и особенно судебной системы, отрицание Толстого сменяется утверждением: отвергая прежние формы барской жизни, в том числе и усадебное существование землевладельцев, писатель надеется на возрождение дворянской культуры новыми поколениями, осознающими истинные ценности, необходимость постоянного духовного роста и неустанного труда во благо России и русской земли.

Литература

1. Андреева В.Г. Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л.Н. Толстого // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. — С. 192–227. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227
2. Бабаев Э.Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. — М.: Изд. Моск. ун-та, 1978. — 294 с.
3. Богданова О.А. Мотив «утверждения земли» в русской литературе 1917–1920-х гг. Статья первая // Новый филологический вестник. 2018. № 2(45). — С. 128–137.
4. Вершинина Н.Л. Функция «порядка» в онтологии усадебного текста XVIII–XIX вв. // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2016. № 24. — С. 120–134.
5. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. Русской помещик [Электронный ресурс]. URL: <http://gogol-lit.ru/gogol/text/vybrannye-mesta/russkoj-pomeschik.htm> (дата обращения: 29.06.2020).
6. Назиров Р.Г. История усадебного сюжета // Назировский архив. 2017. №1(15). — С. 9–104.
7. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 19. — М.: Худ. лит., 1935. — 520 с.
8. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 32. — М.: Худ. лит., 1936. — 544 с.